

Черный воронок медленно полз по ухабам одноэтажной улицы послевоенного Ставрополя. Рычание мотора было негромким, но его слышали в каждом доме. Затаив дыхание, из окон за движением этой страшной машины следили все. И слезы облегчения жгли уголки глаз, когда воронок проезжал мимо. И тут же загоралась мысль – за кем? В чьей семье сегодня поселится молчаливое, одинокое и угрюмое горе? И долго смотрели вслед, гадая и переживая, – улица жила едиными братством, одними радостями и горестями. Война объединила всех, сплотив таких разных и непохожих друг на друга людей в единую семью. Чужого горя не было. И потому появление ранним июньским утром незваного гостя взволновало всю улицу.

А машина МГБ все ползла и ползла, гоня впереди себя волны страха. По каким-то неизведанным законам о появлении жуткой машины мгновенно знала вся улица – от начала до конца. Осторожный и пугливый зверь, таящийся в каждой душе, сверхъестественным чутьем угадывал приближение тихо урчащей машины. Все меньше и меньше оставалось впереди у неё домов на нашей улице. И сильнее съёживались сердца у тех, кого беда еще не миновала. И дубели щеки и губы от тяжкого ожидания.

Я видел, как отец, только что вернувшийся с улицы, словно охотник, затаил дыхание и скосил набок голову, к чему-то прислушиваясь. Я видел, как побелела мать, которая замерла на полпути от кухни к столу, где она накрывала завтрак отцу – тот собирался на работу. Я сам ощутил неосознанную тревогу, захотелось спрятаться куда-нибудь, лучше всего забиться в подол матери. Но я подавил постыдное чувство – какой подол? Мне уже десять лет! Мужчины ничего не боятся! Но гнетущая

тишина, установившаяся в доме, смяла мою браваду, и я робко приблизился к отцу. Он посмотрел странным, глубоким, как из бездны ночного неба, взором и положил мне на плечо твердую мозолистую ладонь, не сказав ни слова. Они с матерью слушали тишину, на дальнем конце которой чуть слышно гудел майский жук.

Наш дом стоял в самом конце улицы. После нас перед глубоким, поросшим старыми деревьями и густым кустарником оврагом прятался в тени сада только домишко дедуни Федуня – живого жилистого старика, любимца округи. Он был мастером на все руки. Казалось, все столы и стулья, табуреты и этажерки, комоды и диваны на нашей улице были сделаны его руками. Нужно заменить раму или починить дверь – звали дедуню Федуню; завалилось крыльцо или забор: опять дедуня деловито помахивает топориком; крыша прохудилась: глянь – снова шустрый старичок по коньку лазает. Платили ему кто чем мог. И денежка перепадала, если была. А кто продуктами да одежей расплачивался. А если помощи попросит вдовица с кучей ребятишек, так дедуня и копейки с нее не возьмет. Еще и сам чего-нибудь принесет для малышни.

Да что там ремонт! Он и дома один строил. Помогал ему только ослик по имени Прунька. Нагрузит дедуня целую тележку кирпичами да досками, сломанными рамами да старыми дверьми, найденными на разбомбленных развалинах, похлопает ушастому помощнику по спине и ласково скажет:

– Ну что, Прунька, поехали.

Ослик дернется раз, оглянется на хозяина – тяжело, мол, нагрузил, не снять ли половину?

– Не халтурь, – строго сдвинет брови дедуня. – И не по стольку возил. Пошел!

Ослик тяжело вздохнет, поднатужится и тянет тяжелую тележку вдоль по улице. А дедуня рядом идет и подбадривает:

– Ты не сердчай, Прунька, что много нагрузил, старый уж я стал, второй-то раз в такую даль трудно идти. А пока я это все оприходую, ты и отдохнешь маленько.

Ослик сокрушенно качает головой и медленно бредет по пыльной дороге, всем своим унылым видом давая понять хозяину, что тот не прав.

– Тащи, тащи, – бормочет дедуня. – Судьба у нас такая – всю жизнь своим горбом хлебушек зарабатывать.

Соорудит дедуня домушку, неказистую, маленькую, но жить можно. Уже три таких домика выкупили фронтовики у дедуни Федуня. Много он не брал, а на жизнь хватало.

Все слышнее урчал воронок, все сильнее темнело лицо отца и крепче сжимались кулаки. Наконец он не выдержал. Отодвинув меня, встал и подошел к окну. Мужчины встречают опасность лицом к лицу, не прячась за занавески. И я шагнул следом за ним.

Мать перехватила меня, прижала и затаилась, тревожно глядя в широкую спину отца, загородившую окно. У нее мелко дрожали руки. Я это ощущал своей вдруг замерзшей головой, мать гладила меня по волосам быстро и нервно. Когда воронок подъехал к дому, я это понял по напрягшейся спине отца, мать судорожно без слез всхлипнула.

– Мимо, – прохрипел отец.

Но от окна не отошел. Он провожал взглядом машину. Около дома дедуни Федуня мотор заглох.

Мать заплакала. То ли от радости, что горе миновало, то ли жалко было доброго работающего старика.

Через пять минут, сыто урча, воронок укондыбохал обратно. Улица была пуста. Сотни глаз провожали его из окон.

За что взяли дедуню Федуню, никто не знал. Жизнь его была вся на виду. Во время оккупации с немцами не znalся. Подозрительных связей не имел. В деньгах и роскоши не купался. Открытая душа, добрый нрав да трудолюбивые ловкие руки – вот все его богатство. Но с властями не поспоришь. Кто пойдет заступаться за него? Да и бесполезно. Только свою жизнь загубишь да родным навредишь. Надеялись на то, что власти разберутся, бывали же случаи, когда и из НКВД, а по-нынешнему МГБ, люди возвращались.

Без дедуни Федуня улица осиротела. Когда он был, его особенно и не замечал никто, как мы не замечаем солнце, которое греет и светит каждый день, не замечаем легкого ветерка, гонящего весенние запахи по улицам Ставрополя, не замечаем зелени листвы... А чего их особо замечать-то? Есть они и есть. С ними хорошо. А без них... Ну какая же без них жизнь?

Меньше стало веселья на нашей улице, меньше уюта и радости. Мы, ребятня, часто роились около дедуниного дома. Он то рогаток нам наделает, то настрогает и вырежет из дощечек почти настоящие пистолеты, то свистулек нарежет, то научит, как луки и стрелы мастерить. А то даст рубанком дощечку построгать или топориком поработать. По вечерам, когда он садился отдыхать в тени яблони, мы приходили к нему во двор послушать сказки. Дедуня при виде ватаги босоногих ребятшек улыбался и нарочито сурово ворчал:

– Это кого же ко мне черти принесли?

– Мы без чертей, – весело отвечали гости.

– Ну, если без чертей, проходите.

Он доставал из глубокого брючного кармана жестяную ярко раскрашенную коробку с леденцами, открывал ее и угощал каждого сладкой долгоиграющей конфеткой. А потом рассказывал страшные истории из жизни великанов и чудовищ, злобных гномов и жестоких колдунов. Откуда он брал эти сказки, мы не знали: то ли сам придумывал, то ли поведал ему кто-то в древние для нас времена, когда он был таким же маленьким, как и мы.

Вид опустевшей избы нашего любимца удручал. Изредка мелькала во дворе сгорбленная старушка, жена Федуня, и исчезала во чреве дома, даже не всколыхнув воздуха, будто это была не женщина, а бесплотная тень. Даже ослик Прунька спрятался, словно боялся, что и его куда-нибудь заберут чужие бездушные люди. Мы стали сторониться этого ранее приветливого и уютного, а теперь жутковато нежилого двора, как будто судьба всеобщего любимца могла зацепить и наши семьи.

Уже и длинный, глубокий овраг, похожий на сказочные дремучие чащобы, что в аккурат за дедуниным домом, не привлекал нас. Там мы обычно играли в войну и разведчиков. Теперь не игралось.

Конечно же, мы гадали и спорили.

– Да его выпустят скоро! – кричали одни. – Вот подержат чуть-чуть, разберутся и выпустят!

– А ты видел, чтобы кого-нибудь оттуда выпускали? – резонно осаживали их другие.

– Так то враги были! – горячились третьи. – А дедуня Федуня наш, советский! Он самый лучший! Ему ничего не сделают!

Мы любили и верили.

Месяц спустя нашу улицу всколыхнуло новое событие. Часа в три пополудни вдоль садов и притаившихся в их сени домов поползла еще

одна машина. На этот раз это была новенькая, только что с конвейера, «Победа». Все, конечно, понимали, что автомобиль казенный и принадлежит все той же конторе. Потому кроме любопытства в сердцах шевелился и страх: что еще нового приготовило МГБ? Хорошего не ждали. Удивляло только то, что на заднем сиденье можно было разглядеть кудлатую и бровастую голову дедуни Федуни. Зачем его везут? На обыск? На очную ставку? Терялись в догадках соседи. Но не торопились выяснять. Да и как выяснишь? Пропылила «Победа» мимо – и все. Гадай не гадай. Ладно, потом все узнаем, утешали себя любопытствующие.

Я сидел на скамейке у палисадника и ремонтировал самострел, когда-то сработанный руками дедуни Федуни.

Машины я заметил издалека. Отложив самострел в сторону, я с любопытством смотрел на красивый автомобиль, медленно преодолевающий ухабы нашей длинной улицы. Вот «Победа» поравнялась с моим домом, и я увидел в окошке дедуню Федуню! Я вскочил и хотел крикнуть, позвать его. Но осекся, увидев рядом с ним чужого дядьку. Машина пропылила мимо и остановилась у последнего дома. Открылись блестящие дверцы, и на свет вылезли два крепких мужика, упакованные в светлые костюмы и белые рубашки с галстуками. Это в разгар-то июльской жары!

Один из мужиков обошел машину и открыл заднюю дверцу. Из «Победы» выбрался дедуня Федуня. Он тоже был в сером костюме и в рубашке с галстуком!

Костюм, галстук и белая рубашка меня сразили. Такого я не видел никогда. Дедуня всегда ходил в рваненьком пиджачке, давно забывшем, какого он цвета, и бесформенных, десятки раз заплатанных штанах. А тут – костюм! А вместо разбитых башмаков – штиблеты!

Я онемел и застыл, словно меня заколдовали.

– Неужели проданся? – мелькнула сумасшедшая мысль. – Теперь нас всех будет сдавать в МГБ!

Дедуня Федуня огладил новенький пиджак, тронул тугой узел широкого полосатого галстука, потом пожал эмгэбэшникам руки и деловито пошагал к дому. Хлопнули дверцы, и «Победа» укатила.

Я отмер, только когда за дедуней закрылась калитка. Пулей метнулся домой.

– Мама, мама! Дедуню Федуню отпустили. Его эмгэбэшники на «Победу» привезли. И руку ему жали. И улыбались. Он, наверное, теперь сексот! – затараторил я.

– Стой, погоди, – остановила мое трындычание мать. – Ты ничего не перепутал?

– Да ты что? – захлебнулся я от такой несправедливости. – Да я же... я сам видел... Я на скамейке... а они... прямо к дому...

– Понятно. Беги к отцу на работу и расскажи ему все.

Я рванул из дома, как будто за мной гнались злые собаки. Запыхавшийся прибежал в ремонтные мастерские, отыскал отца и, отведя в сторонку, горячо зашептал ему свою оглушительную новость. Отец свел к переносице смоляные брови, помолчал, пожевал губами, как будто пробуя известие на вкус, и сказал:

– Ты пока никому ничего не рассказывай. А сейчас иди к дедуне и пригласи его сегодня к нам на ужин.

– Да ты что, пап, а если он – стукач? Наговорит что-нибудь, и нас в тюрьму упекут! – горячо воскликнул я.

Отец зажал мне рот рукой, оглянулся на рабочих, наостривших при моем крике уши, и прошептал:

– Делай что велено.

Я поплелся домой. В мозгу роились сомнения и страшные предположения. Хотелось поделиться с друзьями. Но отец не велел, а нарушать наказ не следовало. Вынужденное молчание тяготило сильнее моих фантастических предположений. Но нет – значит, нет. Слово отца – закон. Я прибежал к матери и поведал ей волю отца. Она улыбнулась:

– Иди к дедуне, зови его в гости. Я все приготовлю к вечеру.

Из нашего сада в сад дедуни Федуня у меня имелся свой лаз, не надо было даже выходить на улицу. Это мне было на руку. А вдруг кто-то увидит, что я иду в дом к человеку, который находится на службе у МГБ? Со мной же никто и дружить-то не станет. Шмыгнув в лаз, я прокрался к крыльцу и робко поскребся в дверь.

– Кто там? – зычно откликнулся хозяин. – Заходите, не заперто.

Приоткрыв маленькую щелку, я просочился в нее, как мышонок.

– А-а, Васька, проходи. Пряника хочешь?

Кто же от пряника откажется? Я молча кивнул.

– Что молчишь, или язык откусил? – засмеялся дедуня Федуня.

Это был тот самый дедуня Федуня, которого мы все любили. Пиджак и штiblеты он уже снял. В клетчатой рубашке и парусиновых штанах он стал родным и близким.

С ходу откусив пряник, я затараторил:

– Дедуня Федуня, тебя папка с мамкой на ужин приглашают. Я к папке даже на работу сбежал, когда увидел, как тебя на «Победе»-то привезли. И папка сказал, зайди к дедуне Федуне и пригласи его. Вот я и пришел. Мы по тебе соскучились, дедунь. Я тоже тебя приглашаю.

– Ну что ж, если и ты меня приглашаешь, то буду обязательно, – засмеялся дедуня. – Как готовы будете, зови.

Я умчался домой, жуя обалденно вкусный пряник.

За ужином о главном заговорили не сразу. Сначала шли пустые разговоры о ценах на рынке, восстановлении заводов, о мелких горестях и радостях соседей. И вот, наконец, отец, крикнув после очередной рюмочки, спросил:

– Ну а ты, Федор Яковлевич, как там? Тяжело было?

– Да не особо, – пожал плечами дедуня Федуня. – Я там все тем же, что и на воле, занимался: топориком махал да рубанком швыркал.

– Как это?

– Да так... Рабочий человек нигде не пропадет.

А дело было так.

Привезли его в центр города. Воронок остановился не у парадного входа в здание МГБ, а заехал во двор. Выйдя из машины, дедуня огляделся. Появилось ощущение, что попал в глубокий каменный колодец. Стекло и безжизненно поблескивали окна, забранные решетками, могучие стены из красного кирпича нависали над головой, будто собираясь упасть и раздавить людей в лепешку. Конвоиры подвели арестованного к неказистой обшарпанной двери, которая отчаянно завывала давно несмазанными петлями и проглотила узника. Долго шли по узким мрачным коридорам с облезлой темно-зеленой масляной краской, слабо освещенным тусклыми лампочками, висящими под высокими потолками. Поднялись на второй этаж, и снова повороты то направо, то налево. И захочешь, сам без провожатого не выберешься, подумалось дедуне, уныло шагавшему по этим мрачным лабиринтам.

Наконец конвоиры остановились у рыжей облезлой двери, постучались. Один из сопровождающих распахнул дверь, втолкнул дедулю в комнату и зашел сам.

– Товарищ майор, задержанный Родимов доставлен! – гаркнул он над головой дедуни.

Дедуня стал рассматривать хозяина кабинета. Лысый, яйцевидный череп, худое лицо и мощная, как у лошади, челюсть. Пышные русые усы скрывали губы, казалось, что в рот майору МГБ впихнули комок пакли. Китель наглухо застегнут, несмотря на жару в кабинете. Фуражка, правда, не надета. Она аккуратно лежала на столе, поблескивая алой звездочкой. Руки у майора нерабочие, пухлые, с белой кожей, без мозолей и черных трещин, словно бабьи. Глаза большие, навывкате, но пустые, будто за ними не было мозга.

– Свободен, Кравцов, – сказал майор и устался стекляшками зрачков на арестованного.

Молчание затянулось. Дедуне даже показалось, что майор задремал с открытыми глазами.

– Фамилия, имя, отчество, – наконец соизволил открыть рот эмгэбэшник.

Голос у него тоже был не мужской, противно высокий, как у визгливой базарной бабы. С таким поговоришь пять минут – и зубы заболят.

– Родимов Федор Яковлевич, – ответил дедуня.

Заскрипело перо. Дедуня увидел, что слева у окна сидит щупленький лейтенантик и записывает его показания.

Когда с формальностями было покончено, майор опять заснул, глядя на арестованного.

Проснувшись, вкрадчиво сказал:

– Признаться будешь, или сыграем в «ничего не знаю, ничего не понимаю»?

– А я и не знаю, – ответил дедуня и посмотрел на стул – захотелось присесть, обычно неутомимые ноги на этот раз дали слабину.

– Сесть хочешь? – догадливо спросил майор.

Дедуня кивнул.

– Сядешь, не сомневайся, – засмеялся эмгэбэшник. – Лет эдак на двадцать пять.

– Я столько не проживу, – усмехнулся дедуня, чтобы как-то поддержать себя.

– Смеешься? – удивился и даже обрадовался следовательно. – Ничего, еще поплачешь. Не такие рыдали. А уж тебя, сморчка, одним щелчком раздавлю.

Открыв серую папочку, лежавшую на столе, майор вынул из нее листочек, вырванный из школьной тетради, что-то почитал, шевеля пучком пакли, потом снова обратился к арестованному:

– А тут вот пишут, что ты расхищал социалистическое имущество, занимался спекуляцией в особо крупных размерах, наживался на нуждах фронтовиков.

– Врут, – ответил дедуня и посмотрел в решетчатое окно. С той стороны на него сочувственно глядел воробей, сидящий на ветке тополя. Дедуня подмигнул ему и улыбнулся.

– Что-то ты больше веселый, как я погляжу, – прогнусавил майор. – А обвинения-то серьезные. На что надеешься, я не пойму. Дома строил?

– Строил, – согласился дедуня.

– Из ворованного материала?

– Да какой же он ворованный? Кирпич и доски я на развалинах собирал. Все равно, когда разбомбленные здания начинают восстанавливать, весь мусор на свалку увозят. Так лучше уж в дело, чем на свалку.

– Это не тебе решать, гражданин Родимов, на свалку или в дело. Государство решит на свалку – так тому и быть. А ты кто такой, чтобы против государства идти?

– Да зачем же против государства-то? Чай, оно мое родное. Я ведь просто хлам в дело пристраивал.

– Ага, ага, – закивал майор лысой башкой, – хлам... А потом этот хлам фронтовикам втриморога перепродавал. Это как прикажете понимать? Они Родину защищали, пока вы тут под немцем были, а ты их обирал.

– Брал, сколько могли дать. У них совсем никакого жилья не осталось, немцы разрушили. А тут хоть плохонькая халупа да имеется, всё крыша над головой.

– Крыша, говоришь? Будет тебе крыша. Ну а еще чем занимался, умелец?

– Людям помогал.

– И как же, если не секрет?

– Кому дверь починить, кому забор, кому табуретку. Вам вот тоже такой помощник, как я, нужен.

Майор оторопел от такой наглости.

– Это ты о чем?

– Да вон стекло в форточке треснуло. И сама она, поди, не закрывается – перекошена. Дверь скрипит, и одна петля вот-вот отвалится. Тут работы-то на пять минут, да, видно, нормального столяра нет у вас.

– За пять минут, говоришь? – пакля налезла на острый крючковатый нос.

– Не больше.

– Ну, хорошо, даю тебе пять минут. Все починишь – пойдешь в камеру отдыхать до выяснения обстоятельств. А не уложишься, весь день и всю ночь тут будешь передо мной стоять и песни петь. Понял?

– Инструмент дадите, все сделаю.

– Репьев, – обратился майор к лейтенантику, – отложи пока ручку-то, сгоняй за завхозом. Он в соседнем кабинете какие-то бумажки пишет.

Лейтенант быстро вернулся, ведя толстого, узкоглазого, с багровыми мясистыми щеками эмгэбэшника.

– Слушаю, товарищ майор, – попытался стукнуть каблуками завхоз.

– Так, Шымыр, тащи сюда инструменты. Вот этот дедок обещал мне за пять минут и стекло поменять, и дверь отремонтировать.

– Я мигом, – услужливо ответил завхоз и пропал минут на пятнадцать.

Майору, видать, надоел допрос, да и в бумажке, спрятавшейся в тоненькой папке, больше ничего интересного не было. Поэтому он усадил-таки узника на табурет и стал болтать с ним, как показалось деду, о всякой ерунде.

– Слышь, дед, вот тебе восемьдесят лет, а ты все работаешь. Угомонился бы. Чего тебе не хватает?

– Так ведь люди просят. Жалко их. Да и помру я быстро, если ничего делать не буду.

– То есть в тюрьме ты жить не будешь?

– Не буду.

– Вон ты какой.

– Какой?

– Ушлый. А при немцах тоже работал?

Пакля во рту зашевелилась в предвкушении удачи.

– Работал, – ответил дедуня.

– И что же, ты немцам тоже дома строил? – визгливый голосок следователя приобрел вкрадчивые интонации.

– Нет, я соседям помогал. А с немцами дела не имел. Да они к нам на окраину и не заглядывали почти.

Наконец вернулся завхоз, сомлевший от жары и тяжести ящика с инструментами. Принес он и кусок стекла.

– Ну что, умелец, начинай, время пошло, – ехидно сказал майор. – Помни: не уложишься в срок, хуже будет.

Дедуня уложился в четыре минуты.

Майор подергал туда-сюда дверь, та не шаталась и не скрипела. Новенькое стекло в форточке сияло чистотой, очищенный от краски шпингалет надежно запирает окно. Да вдобавок был укреплен и шатавшийся табурет.

– Ну, дедуля! – взвизгнул майор. – Молодец!

– Меня все дедуней Федуней зовут, – откликнулся узник.

– Что ж, дедуня так дедуня, Федуня так Федуня, – согласился майор. – Ну, Шымыр, хочешь такого помощника?

– Позарез нужен! – охотно откликнулся завхоз.

– Забирай его себе. А на ночь в камеру его, только к тихим, небуйным определи. Пусть поживет, поработает, а там посмотрим. На него пока ничего серьезного нет. Если, конечно, не накопаем.

Так дедуня стал работать в здании МГБ. Там были мастерские, где он и проводил целые дни в привычных трудах: ремонтировал столы, стулья, диваны, этажерки. По зданию ходил с сопровождающим, но свободно. Где-то дверь нужно было подправить, где-то половую доску подгнившую заменить, где-то стекло вставить... В общем, работы хватало. Кормили регулярно и достаточно сытно. Прямо курорт, а не тюрьма. Угнетали только мрачные каменные лабиринты да вид измученных узников, встречавшихся время от времени в коридорах.

Но майор не позабыл о дедуне. Изредка приглашал к себе на беседу. Видимо, надеялся еще что-нибудь накопать.

– Слышь, дудуня Федуня, ты ведь от меня что-то скрываешь, – говорил он, жуя паклю.

– Ничего не скрываю, гражданин начальник, – отвечал дедуня. – Все как на духу рассказал.

– Да не может такого быть. Уж больно ты спокойно ведешь себя. У нас так не принято.

– А как у вас принято?

– У нас принято бояться, плакать, просить прощения, писать покаянные письма, рассказывать о сообщниках.

– Да не было у меня никаких сообщников. Я один дома строил. Там в вашей бумажке, что в папке лежит, наверно, про это подробно описано.

Майор грозил пальцем.

– Нет, дедуня, что-то у тебя за душой имеется, я только не пойму, что. Не боишься ты меня. А это странно.

– Боюсь я, гражданин майор.

– Врешь, Федуня. Я по глазам вижу, что не боишься. Уж я столько человеческого страху нагладелся, что распознаю его сразу. Ничего, придет время, я тебя расколю. Там уже по-другому поговорим.

Однажды разговор пошел действительно в другом ключе.

– Так, гражданин Родимов. Тобой заинтересовался генерал, велел сегодня тебя помыть, причесать и к нему в кабинет после обеда привести.

– Зачем? – спросил дедуня.

– Это я тебя спрашиваю, зачем?

– А мне-то откуда знать?

– Темнишь, дед, не может просто так генерал, начальник МГБ Ставрополя, интересоваться каким-то вшивым дедком. Я нутром чуял, что у тебя какая-то заковыка в биографии имеется. Ну, рассказывай. Откуда генерала знаешь?

– Не знаю я вашего генерала. И зачем ему нужен, тоже не знаю.

– Ой, хитрец, ой, хитрец. Надо было тебя посильнее в оборот взять, давно бы все про тебя вызнал. Хотя... может, оно и к лучшему. Что-то тут не так.

После обеда дедуню повели по этажам и лабиринтам здания госбезопасности. У массивной двери, обитой черной кожей, майор, лично сопровождавший арестованного, помялся, вытер платком лысину, потеревил паклю и взялся за бронзовую, изящно изогнутую ручку. Дверь распахнулась, и конвоир с узником вошли в приемную. Дед огляделся. Приемная генерала была большой, просторной и отделанной дубовыми панелями. Дед одобритительно хмыкнул, оценивая качество работы столяров. Тяжелые темно-красные бархатные шторы раздвинуты, сквозь тюль в приемную проскальзывали лучи послеполуденного солнца и резвились на мягком пушистом ковре, словно котята. Капитан, сидевший за столом у двери генерала, поднялся и зашел в кабинет начальника для доклада. Вернувшись через мгновение, он сделал приглашающий жест и четко, но негромко сказал:

– Генерал ждет вас, заходите.

Майор, почему-то перейдя на строевой шаг, затопал к двери начальника. Но, перехватив недоуменный взгляд капитана, стушевался и стал ступать осторожно. Войдя в кабинет, он лихо щелкнул начищенными до зеркального блеска сапогами и визгливо прокричал:

– Товарищ генерал! Арестованный гражданин Родимов по вашему приказанию доставлен!

Дед робко выглядывал из подмышки майора. В кабинете было двое. Один, в генеральском обмундировании, восседал за массивным хорошо сработанным столом. Он был грузным, крупнолицым, с гладко выбритыми щеками. Рядом у стола стоял штатский. Статный, в светлом костюме, голубой рубашке с полосатым галстуком. Он выглядел важно и вальяжно. Тоже, видать, большой начальник, подумал дедуня. Чай, из партейных.

– Во-первых, не арестованный, а временно задержанный, – сказал генерал майору, – во-вторых, не гражданин, а товарищ, и в-третьих, не доставлен, а приглашен.

Майор сразу сдулся. От понимания собственной оплошности, а может, и чего похуже он чуть паклю не проглотил.

– Проходите, товарищ Родимов, – радушно пригласил дедуню генерал и указал на стул рядом со своим столом. – Мы тут с первым секретарем горкома партии товарищем Михайловым решили пригласить вас на чаек. Не откажете в любезности?

Дедуня отказаться не стал. Капитан принес стаканы с чаем в ажурных подстаканниках, конфеты и печенье.

Майор, как старая забытая игрушка, столбушком торчал у двери.

– А ты иди, майор, в тебе необходимости нет, – махнул рукой генерал.

Следователь моментально выскользнул за дверь, хваля себя, что не усердствовал с этим странным дедуней. Интуиция, выработанная годами, не подвела.

– Берите вот печенье, Федор Яковлевич, – попотчевал радушный хозяин.

Штатский, которого генерал назвал товарищем Михайловым, сел напротив дедуни у приставного столика. Медленно отхлебывая горячий чай, он пристально смотрел на того, кто минуту назад был арестованным, а теперь стал приглашенным. Дедуня смело выдержал взгляд. Ситуация, по всей видимости, разворачивалась в его пользу, потому робеть не стоило.

– Федор Яковлевич, – наконец заговорил первый секретарь, – расскажите нам о своем славном революционном прошлом.

Дедуня поперхнулся и замер, поглядывая то на партийного начальника, то на эмгэбэшника. Главное было не оплошать и не ляпнуть что-нибудь, не то вмиг можешь опять арестованным стать, а не приглашенным.

– А чего там рассказывать-то? – неопределенно произнес он и пригубил чаечку.

– Ну, например, где вы с товарищем Сталиным познакомились? – вступил в разговор генерал.

– А я с ним и не знаком, – ответил дедуня и посмотрел чистым взором в глаза эмгэбэшнику.

– Скромничаете, Федор Яковлевич, – опять заговорил первый секретарь. – Не переживайте, вы же не на допросе. Мы просто беседуем как друзья. А друзьям можно все рассказывать.

Генерал поддержал:

– Нам ведь не для протокола, а так... для любопытства.

Первый секретарь продолжил:

– Вы, говорят, на Кавказе в революцию сильно отличились, даже сам товарищ Сталин вас помнит. А говорите, что с ним не знакомы.

– Не знаком, – пожал плечами дедуня Федуня. И, увидев вытянувшиеся физиономии эмгэбэшника и секретаря, добавил:

– А вот с Кобой знаком.

Секретарь, вытаращив глаза, оторопело посмотрел на генерала. Тот тоже онемел. Пауза затянулась. Дедуня спокойно попивал чаек, хрустя сладкой печенюшкой.

Генерал встал из-за стола, прошелся по кабинету. Дедуня и секретарь следили за ним, как будто ждали какого-то важного известия.

Тот наконец остановился посередине кабинета и засмеялся:

– Ну, дед, ты удивил! Немного людей у нас в стране могут себе позволить товарища Сталина Кобой называть. Ну уж если тебе это разрешено, то больше у меня вопросов нет. А у вас, товарищ Михайлов?

– У меня тоже нет, – ответил секретарь и занялся чаем.

– Ну что ж, Федор Яковлевич, – опять генерал перешел на официальный тон. – Сейчас вас переоденут в нормальную одежду и отвезут домой. Но у меня к вам просьба. Все, что вы видели в течение этого месяца в стенах МГБ, останется нашей с вами тайной. Понимаете меня?

– Понимаю, – кивнул дедуня Федуня и поднялся, догадавшись, что пора уходить.

Через час он в новеньком костюме уже ехал на «Победу» в сопровождении двух бравых эмгэбэшников.

– А почему ты, дедунь, товарища Сталина Кобой назвал? – не удержался я от вопроса.

– Это его партийная кличка во время революции была, – пояснил мне отец.

И сразу же сам задал вопрос:

– А где же ты с Кобой-то познакомился, Федор Яковлевич?

– О, это давняя история, – усмехнулся дедуня. – Нальешь еще рюмочку, и про это расскажу.

Выпив и зажевав пирожком с луком, дедуня Федуня продолжил рассказ.

Перед революцией дедуня, а тогда рядовой Родимов, служил на Кавказе. Времена стояли смутные, тревожные. В умах шло брожение, среди солдат то и дело появлялись крамольные листовки, за которые офицеры били каждого, у кого их находили. Но эти серенькие листочки с мелким текстом все равно читали. Прятались, тайлись, но читали. Потому как там всю правду писали. И про буржуев зажавшихся, и про нищету народную, и про жестокое самодержавие, которое дышать никому не давало. А особенно нравилось читать про новую жизнь без мироедов и царских министров, без фабрикантов и злой офицерни, без помещиков и жандармов. Новый мир, описанный в листовках, казался справедливым и честным, богатым и красивым. Всеобщее равенство, свобода, уважение к человеку труда – кто же не захочет такого? Вот и шептались по углам солдаты. Неужели такое возможно, чтобы без богатеев, да чтобы фабрики и заводы рабочим принадлежали, а земля – крестьянам? Неужели в деревне про голод забудут?

Иногда солдат привлекали для поимки революционеров, шаставших по городам. Стояли сутками в кордонах, досматривали проезжавших, кого-то все ловили. Но на памяти у дедуни не было ни одного пойманного. Хотя революционеров повидать довелось. Однажды ночью Родимова разбудил приятель, который изредка приносил волнующие душу листовки и разъяснял их содержание. Звали его Иваном.

– Федя, вставай, помощь нужна.

Федор поднялся, оделся, обулся без лишних расспросов – нужна так нужна, просто так не разбудили бы.

Тайком вышли за пределы части.

– Федор, ты эти места хорошо знаешь?

– Да с закрытыми глазами дорогу найду, – ответил Федор. – Мы тут уж год стоим, все облазили, все повидали, вплоть до перевала.

– Вот и хорошо, – обрадовался Иван. – Нужно троих наших товарищей к перевалу проводить. Только по дороге нельзя – там их жандармы ждут.

– А как же я их провожу? – удивился Федор.

– А ты через ущелье.

– Да там и днем-то голову сломишь, а ты ночью хочешь туда идти. Нет, не получится.

– Надо, ну очень надо, Федор. Если наших товарищей поймают, их расстреляют сразу – уж больно они властям насолили.

– Так что ж делать-то? – растерянно спросил Федор.

– Вспомни, где ущелье поуже. Может, там деревья растут близко. Нельзя ли повалить их так, чтобы на другую сторону переправу устроить?

И Федор вспомнил.

– Есть такое место. Это далековато, но там действительно дерево рядом с ущельем растет и место узкое. Я еще подумал, когда проходил мимо, что при желании можно из этого дерева мост устроить, чтобы на другую сторону перебраться.

– Ну вот, а ты говорил нельзя, – обрадовался Иван. – Надо тогда за топорами сходить.

Когда Иван вернулся с инструментом, послышались чужие торопливые шаги.

– А вот и наши.

Подошли пять человек. Двое, как и Федор, были солдатами. А трое закутаны в плащи, лиц не разглядеть. Да и что ночью увидишь-то – разглядывай не разглядывай.

– Ну что, веди, – сказал Иван.

И Федор повел группу к ущелью. Шли долго и тяжело: в темноте каждый камень – враг, каждая ямка – твоя. Все ноги обобьешь, пока до цели дойдешь. Но дошли.

Раздвинулись тучки, засияла половинка луны, стало светлее. Ущелье чернело под ногами жутким провалом. Страшно было даже подходить к краю. Смутно серели валуны на той стороне ущелья. Федор прикинул – должно все получиться.

Не теряя ни минуты, он распределил обязанности: солдаты взяли топоры, стали подрубить высокое дерево, росшее на самом краю обрыва. Высоты его должно было хватить, чтобы макушка упала на тот край ущелья. После того как ствол основательно подрубили, Федор взялся за работу сам. Осторожно тюкая топориком, он ловил момент, когда дерево станет неустойчивым. Остальные солдаты стояли наготове.

– Всё, – сказал Федор. – Пора.

Расставив правильно солдат, он объяснил им задачу и взмахнул топором. Удар, еще! Дерево затрещало.

– Дави! – скомандовал Федор.

Солдаты напряглись, и дерево повалилось. Вершина достала до камней на другой стороне ущелья.

– Получилось! – обрадовался Федор.

Иван подал Федору веревку.

– Давай ты первым иди на ту сторону.

Федор переправился довольно быстро – сказались солдатские навыки. Укрепив свой конец веревки, он крикнул:

– Можно идти! Только в середине будьте осторожны, там очень часто большие сучки растут.

Первым на шаткий мост вступил молодой гибкий юноша, который легко и почти играючи преодолел опасную преграду.

– Будто канатоходец! – похвали его Федор.

Второй революционер был не так скор, но прошел по дереву уверенно, почти не задерживаясь даже в особо трудных местах.

С третьим вышла морока. Тот был толстоват и неуклюж. Первые метры, держась за туго натянутую веревку, он вроде преодолел уверенно, но когда путь преградила гребенка торчащих в разные стороны ветвей, он ступешался. Застряв посередине переправы, он стал жалобно подвывать.

Федор заволновался. Чужую смерть на душу брать не хотелось. Перебравшись назад, он стал разговаривать с пухлым кавказцем, застрявшим в чаще ветвей.

– Смотри на меня, генацвале. Видишь, я стою и ни за что не держусь. И ничего со мной не происходит. И с тобой тоже ничего не случится. Делай как я.

Двигаясь боком, Федор манил рукой толстяка. Тот как замороженный глядел на провожатого и потихоньку пробирался сквозь сплетение веток.

– Ну вот, посмотри, какой ты молодец. Да ты как настоящий джигит на свадьбе сейчас на кончиках пальцев пропляшешь по этому бревну, – прихваливал Федор кавказца и медленно отступал по стволу.

Так потихоньку, с уговорами и шутками-прибаутками Федор перевел и третьего революционера. Тот обессиленный сразу же рухнул на камни. Но кавказец, перебравшийся вторым, жестко произнес:

– Не расслабляться. Надо идти, скоро светать начнет.

Потом он повернулся к Федору, обнял его, посмотрел в глаза и сказал:

– Спасибо, генацвале. Ты спас нас от смерти. Я этого никогда не забуду. Если попадешь в беду и нужна будет помощь, обращайся. Меня зовут Коба.

– Так ты самого товарища Сталина от смерти спас!? – восхищенно воскликнул я.

– Да, это был Сталин, – просто ответил дедуня Федуня.

– А он, значит, отквитался и тебя теперь спас?!

– Точно, отквитался, – подтвердил дедуня.

– А как же он узнал, что ты в МГБ попал? – спросил отец.

– Предупредили меня, что доносы пишут про мои дома, которые я фронтовикам продал, – ответил дедуня. – Вот я и подстраховался. Написал письмо и жене отдал. Спрячь, говорю, и никому не показывай. А если меня заберут и не выпустят, то через два дня отдай письмо Яшке Соловейчику.

– А Соловейчик-то тут при чем? – удивился отец.

– Так он же работает проводником на поезде Ставрополь – Москва. Я ему заплатил, чтоб он письмо мое в Москву отвез и опустил там в особый ящик в особом месте.

– И тот не забоялся?

– Я его научил, чтобы сам к тому зданию не ходил. Три рубля, говорю, пацану какому-нибудь дай, и тот письмо в ящик бросит. Так он и сделал. Видишь, целый месяц просьба моя до Сталина шла. Но все-таки дошла. Я боялся, что выкинут, затеряют или спрячут. Нет, дошло мое письмецо до Кобы. И тот, значит, вспомнил ту ночь на Кавказе и, как видишь, помог. Вот такие дела.

История, приключившаяся с дедуней Федуней, врезалась в память и живет со мной всю жизнь. Со временем не померкли краски, не забылись слова и интонации, с которыми произносил их дедуня. Помнятся даже запахи жаркого июля в родном Ставрополе. Помнится мой восторг от поступка товарища Сталина. Надо же – самый главный руководитель страны не забыл о стареньком дедушке, которого видел один раз в жизни. А как он приструнил эмгэбэшников! Сразу залебезили перед дедуней Федуней. Даже костюм ему выдали. Испугались. Так им и надо. Товарищ Сталин – самый мудрый и справедливый на свете!

С годами это восторженное восприятие вождя великой страны, конечно же, растаяло. И только одно чувство с той далекой поры не померкло. Это был тот самый глубинный, неосознанный, перехватывающий дыхание страх, который я испытал, когда увидел отца, шагнувшего из-за стола к солнечному окну, когда ощутил мелкую дрожь пальцев матери.

Тот страх, родившийся в самых темных уголках души, жил со мной всю мою долгую жизнь, вырываясь на свободу и скрывая душу при любом удобном случае. Иногда при одном только малейшем ощущении какой-либо опасности в ушах начинал нудно и страшно гудеть майский жук, предвещавший появление черного воронка.

Все прошло. А страх остался.